

Принцип самоприменимости гуманистически ориентированной психологии

Георгий Алексеевич Балл,
зав. лабораторией методологии и теории психологии
Института психологии им. Г.С. Костюка АПН Украины,
член-корреспондент АПН Украины, доктор психологических наук, профессор

§ 1. В настоящей статье предпринимается попытка обосновать *принцип самоприменимости* гуманистически ориентированной психологии (рассматриваемой в единстве с ее методологической базой; см. также [2 – 5, 21]). Главное содержание этого принципа я считаю возможным очертить в виде следующих положений:

1) следование психологов гуманистической ориентации становится полноценным только при условии ее распространения на все сферы их профессиональной деятельности, в том числе: практическую; исследовательскую (охватывающую теоретический и эмпирический аспекты исследований); коммуникативную (в частности, образовательную); наконец, методологическую – посвященную изучению и разработке норм (широко трактуемых [2]) деятельности, в данном случае профессиональной. Во всех этих сферах гуманистическая ориентация, прежде всего, предполагает, во-первых, максимальное раскрытие конструктивных возможностей субъекта деятельности и, во-вторых, диалогическое, проникнутое уважением к партнеру и способствующее раскрытию и его конструктивных возможностей взаимодействие с ним; партнером здесь может быть клиент, исследуемый, студент и т. п., а может быть и представитель другой сферы культуры, другой области знания, другого теоретико-методологического подхода. Вышеупомянутое расширение диапазона действия гуманистической ориентации особенно значимо для реализации в гуманистическом ключе мировоззренческой и конструкционистской функций психологии, реализующих влияние на социум как целое [50];

2) в рамках научной (или хотя бы согласующейся с наукой) психологии, в том числе практической, гуманистическая ориентация всех вышеупомянутых сфер деятельности психологов должна реализовываться как *рациогуманистическая*, что предполагает:

– признание *интеллектуальной культуры* (и ее воплощения в науках – «точных» и гуманитарных, а также в философии) одним из важнейших достояний человечества и максимальное использование этого богатства, в его гармоническом взаимодействии с другими составляющими культуры, в познавательных и практических целях;

– опору на *гармоничный интеллект*. Последний (в его достаточно развитой форме): а) не сводится к стандартизированным (и благодаря этому легко поддающимся технологизации) вариантам, известным под названием *рассудка*, а выступает как творческий, готовый к работе с противоречиями *диалектический разум*¹; б) настроен на возможно более полный и глубокий охват мира с преодолением временных, пространственных и содержательных ограничений; в) представляет собой единство дискурсивных и интуитивных составляющих;

3) в научной (или согласующейся с наукой) деятельности (в частности, в области психологии) в полной мере действуют общие психологические (в том числе социально-психологические) закономерности деятельности. Вместе с тем человек (в частности, психолог – исследователь или практик), достигший высокого уровня личностного развития и профессиональной культуры, способен в известной мере трансцендировать упомянутые закономерности (точнее, наиболее распространенные формы их проявления) – регулируя (благодаря

¹ Четко очертил сущность опасной духовной ситуации в современном мире В.С. Библер: «философский разум встречает сейчас мощный отпор всемогущего рассудка и спорящего с рассудком за власть над сознанием и мирно разделяющего эту власть иррационального экстаза» [9, с. 244].

ря развитой воле) свои мотивы в направлении большего соответствия важным для него ценностям, выявляя (благодаря развитому мышлению) и признавая (благодаря сформированной интеллектуальной честности) существенные свойства изучаемых явлений, обычно трактуемые искаженно из-за господствующих в социуме или в научной среде стереотипов, и т. п. Соответственно, любые влияния, в принципе способные укреплять (или, напротив, ослаблять) гуманистическую ориентированность деятельности психологов, опосредствуются, с одной стороны, вышеупомянутыми закономерностями и, с другой стороны, личностно обусловленными возможностями трансцендирования обычных форм их проявления.

§ 2. Конкретизацию представленных в § 1 общих положений начну с рассмотрения вопроса о *простоте и сложности* психологических концепций. Критикуя ту или иную концепцию, едва ли не чаще всего (и, большей частью, небезосновательно) ссылаются на ее неправомерную упрощенность сравнительно с таким сверхсложным явлением, как человеческая психика. Тем не менее, правильность этих претензий удивительным образом сочетается с предельной простотой тех идей и научных моделей, которые сильнее всего повлияли на развитие психологической науки и психологической практики. Достаточно вспомнить (ограничиваясь психоаналитической традицией) трехчленную структуру психики (*Оно, Я, Супер-Я*) по З. Фрейду, или три «Эго-состояния» человека (*Ребенок, Взрослый, Родитель*) по Э. Берну, или три направления движения человека (*к людям, против людей, от людей*) по К. Хорни.

Обращаясь к отечественной психологии, можно констатировать высокую эвристическую силу, опять-таки, очень простых идей. Вот характерные примеры: 1) три качественно различных психических уровня (уровня развития личности) по А.Ф. Лазурскому [27]: при *низком* уровне удовлетворительное приспособление человека к социальной среде не достигается, при *среднем* уровне – достигается, люди же *высшего* уровня в большей или меньшей мере приспособливают среду к себе; 2) формулировки принципа детерминизма в психологии по С.Л. Рубинштейну и по А.Н. Леонтьеву (не привожу их, считая известными читателю); 3) типология жизненных миров человека по Ф.Е. Василюку [12]: указанный мир может быть внутри *простым* или *сложным*, а вовне – *легким* или *трудным*, так что комбинирование этих признаков дает четыре типа жизненных миров.

Итак, несмотря на колоссальную сложность исследуемого объекта, именно простые идеи оказываются полезнее всего в его познании. И понятно, почему: ведь их легко усвоить, и с ними относительно легко работать. Однако успех будет достигнут, конечно, лишь при условии, что указанные простые идеи ухватили в изучаемом объекте что-то весьма важное. В конце концов, издавна известно: *всё гениальное просто*, – равно как и то, что *не всё простое гениально* (припоминается выражение «простота хуже воровства»). Как подчеркивает А.М. Ерёмченко, «научное познание есть неизбежное упрощение реальности, само установление той или иной закономерности всегда есть некоторое упрощение... Вопрос не в том, как избежать упрощения, а в том, как отделить эффективное упрощение от неэффективного» [22, т. I, с. 56].

Впрочем, перейдем от методологии психологии к «психологии методологии» [49]. Следует акцентировать внимание на том (впрочем, достаточно известном) тезисе, что для серьезных успехов ученому необходимы не только сугубо когнитивные качества (глубокое знание исследуемых объектов, широкая эрудиция, способность к осуществлению обобщений, владение эффективными стратегиями творческого мышления [37] и т. п.), а и качества собственно личностные. Одно из важнейших среди них – профессиональная смелость в научно-познавательной деятельности, когда мотив обретения истины сильнее мотивов сохранения или достижения социального комфорта. Чаще всего содержание такой смелости трактуют как готовность к выдвиганию идей оригинальных, непривычных (даже «сумасшедших» – вспомним известное высказывание Нильса Бора). Не приуменьшая этой стороны дела, укажу и на другую. Смелость нужна и для обращения – вопреки скепсису коллег – к очевидным, даже банальным истинам. Вместо того чтобы, как это принято, пренебрегать

ими, обращаясь к вроде бы более интересным (а чаще – более модным) идеям, – выдающиеся психологи не стеснялись как можно полнее раскрывать содержание этих «банальностей». Ведь и до Берна все прекрасно знали, что взрослые люди сплошь и рядом ведут себя как дети, а дети временами действуют с ответственностью и пониманием ситуации, которым могут позавидовать взрослые. Что же касается вышеупомянутой концепции Хорни, то куда вообще может двигаться человек среди других людей, как не к ним, против них или от них? Видимо, коллеги этих психологов анализом таких «банальностей» пренебрегли. Не сожалели ли они впоследствии?

§ 3. Когда же упрощение в самом деле неправомерно, вредно, в частности в психологическом познании? Вовсе не в случае применения простых моделей, а в случае их (и даже значительно более сложных моделей) *абсолютизации* и *догматизации*. В данном контексте нельзя не вспомнить заявление Абрахама Маслоу: «лично я и фрейдист, и бихевиорист, и гуманист, и к тому же еще разрабатываю то, что может быть названо четвертой психологией – психологией трансценденции» [34, с. 12]. Человеком, воспитанным в советской традиции идейной конфронтации (было принято требовать четкости идейных позиций, непримиримости к проявлениям буржуазной идеологии и т. п.), это заявление воспринимается как очень странное. На взгляд такого человека, Маслоу демонстрирует здесь свою беспринципность. Он – непонятно кто, в лучшем случае эклектик. Недаром его критиковали в Советском Союзе, хотя и признавали, что кое-что положительное у него есть...

На самом же деле Маслоу хорошо понимал: жизнь многогранна, а человек – существо весьма разностороннее. В зависимости от ситуации, в которой находится человек, от этапа его личностного развития, от проблем, стоящих перед ним, наиболее адекватным, наиболее полезным может оказаться тот или иной из имеющихся в психологии теоретических подходов. Следовательно, их *плюрализм* – вполне закономерное явление.

Поскольку теоретические приоритеты в большой мере определяют то, какому из методов психологического воздействия отдается предпочтение, вышеуказанный вопрос оказывается тесно связан с практикой оказания психологической помощи и вместе с тем – с этико-мировоззренческими приоритетами, в том числе характерными для гуманистической ориентации в психологии.

Поясню свою мысль. Для указанной ориентации, в ее применении к психотерапии и психологическому консультированию, важнейшим считают принцип *клиентоцентрированности*, обоснованный Карлом Роджерсом. Его суть в том, что ответственным лицом, принимающим решения, является клиент, а психотерапевт, опираясь на свои профессиональные знания и опыт, оказывает ему необходимую поддержку. Однако речь может идти также о *клиентоцентрированности в обобщенном смысле*. Ведь при оказании помощи конкретному человеку главным для психолога, как и для врача, должно быть благо пациента (или клиента). Если ты не владеешь методом, наиболее подходящим для данного индивида, то передай его другому врачу или психологу. А если владеешь разными методами, то важнее оказать действенную помощь пациенту или клиенту, чем сохранить чистоту своего метода. И, опять-таки, совершенно ясно, что психологические проблемы могут быть разные, разным может быть характер критической ситуации (хотя бы по классификации Ф.Е. Василюка [12]) – поэтому нельзя подходить с одной меркой ко всем случаям. Ю.З. Гильбух, отметив плодотворность во многих случаях приемов, наработанных в рамках гуманистической парадигмы, указал одновременно на необходимость обращаться к другим техникам, когда приходят пациенты «с глубокими и стойкими ожиданиями получить четкие, конкретные рекомендации по преодолению своих расстройств, отклонений, отрицательных привычек» [18, с. 33].

Напрашивается вывод: гуманизм на более высоком – на мета-уровне предполагает отказ от каких-то сторон гуманистической парадигмы, если в данном случае для пациента будет полезнее что-то другое. Да и вообще, как констатирует В.И. Рекало, опытный психотерапевт «знает об ограниченности и концепций, и методов того направления, представителем которого он является. Время от времени он вносит в свой психотерапевтический репертуар

не присущие его школе элементы, чтобы быть в состоянии отвечать тем требованиям, которые предъявляет ему практика» [42, с. 79].

Такую стратегию психотерапевтической деятельности, когда соблюдению принципов и техник, характерных для определенной научно-практической школы, не уделяется много внимания, а предпочтение безоговорочно отдается благу конкретного пациента, принято называть *эkleктической*. Как отмечается в «Психотерапевтической энциклопедии», «психотерапевт-эkleктик, в зависимости от характера патологии, потребностей и возможностей пациента, использует методы разных направлений психотерапии, достигая положительных изменений в симптоматике, внутреннем мире и поведении больного» [41, с. 692 – 693]. Казало бы, чего еще желать? Возникает, однако, вопрос: как согласовать это приятное впечатление с распространенным пониманием эkleктики как «беспринципного объединения, механической смеси разнородных, несовместимых, взаимоисключающих взглядов...» [26, с. 679]? Встречается, правда, и более снисходительное отношение к эkleктике, когда в ней усматривают «закономерный момент в развития познания, для которого характерны элементы знания, не имеющие единой теоретической основы...» [43, с. 125].

Мы соприкоснулись с ситуацией, провоцирующей когнитивный диссонанс. Чтобы избежать его, примем за основу простейшую формулировку, согласно которой эkleктичность – это неупорядоченность совокупности знаний (вообще, идеальных содержаний). Эkleктичности противостоит их упорядоченность, или, иначе, *системность*. Очерченная выше стратегия психотерапевтической деятельности эkleктична в том смысле, что системные связи, обеспечивающие успех терапии, не отрефлексированы на теоретическом уровне. Это, конечно, является недостатком указанной стратегии, но не обесценивает ее. Вместе с тем указанный недостаток преодолевается, в меньшей или большей мере, в рамках так называемой *интегративной психотерапии* [41].

Однако, при том, что теоретическая обоснованность психотерапевтического метода весьма желательна, еще важнее практический успех психотерапевта. И если он достигается, причем не в отдельных случаях, а с определенной надежностью, – это означает, что вышеупомянутые системные связи реализованы в практическом протекании деятельности. Сошлюсь здесь на Д.И. Дубровского, подчеркивающего совместимость иррациональных механизмов творческого процесса с тем, что «готовый продукт творчества, обладающий существенной социальной ценностью, – это новая, *уникальная целостность* и потому есть по сути своей рациональное качество, которое противостоит хаотичному, разлагающемуся, аморфному, субъективистскому, абсурдному» (цит. по [39, с. 10]).

Итак, эkleктичность как таковую не следует оценивать однозначно. А принцип отношения к ней (конечно, не только в психотерапии) должен быть такой: *от эkleктичности не опускаться к односторонности, а подниматься к системности*.

Психотерапия, при всей ее важности, для нас лишь пример, ярко иллюстрирующий общеметодологический принцип: не следует абсолютизировать ни один подход к осуществлению деятельности (то ли познавательной, то ли преобразующей), каким бы прекрасным он ни был. А чтобы этот принцип был психологически реализуем, профессионал должен обладать своего рода личностным иммунитетом против подобной абсолютизации.

§ 4. К проблеме, рассмотренной в § 3, целесообразно подойти еще и в следующем аспекте. Мировоззренческая позиция гуманистически ориентированной психологии отличается толерантностью и диалогичностью. В своем отношении к конкретному человеку психолог-гуманист интересуется прежде всего его *положительным потенциалом* и исходит из того, что в принципе этот потенциал значителен, но должен быть раскрыт, актуализирован, поддержан.

Следует отметить, что подобную позицию занимали не только деятели, причастные, так сказать, официально к гуманистической психологии. Например, по воспоминаниям Е.А. Климова, его учитель В.С. Мерлин подчеркивал (ссылаясь на А.С. Макаренко и М. Горько-

го), что в людях «важно видеть прежде всего ценное, положительное (“Недостатки и дурак заметит”, – в сердцах бросил он как-то)» [24, с. 115].

Констатируя значимость такого отношения к людям, спросим себя: не должно ли быть аналогичным гуманистическое отношение к разным позициям (подходам, концепциям и т. п.) в науке, в профессиональной деятельности вообще, в общественной жизни – конечно, при наличии необходимой основы для сотрудничества (общих ценностей, целей, интересов и т. д.)?² Не следует ли сосредоточиваться в восприятии позиций, отличных от своей, прежде всего на их положительном потенциале, на возможностях их *конструктивного развития* (как это делает психотерапевт-гуманист, воспринимая клиента, или педагог-гуманист, воспринимая ученика) – и оказывать содействие такому развитию указанных позиций (а вместе с тем и своей собственной) средствами *диалога*?

Конечно, вопросы, поставленные в предыдущем абзаце, являются риторическими. Фактически в них отражена сущность *гуманистической парадигмы взаимоотношений* между людьми и между человеческими общностями [5, 6], которая, хотя и значительно уступает по степени распространенности в мире *авторитарной* и *либеральной* парадигмам, тем не менее находит всё большее признание – не только как средство решения разнообразных конкретных проблем, но и как необходимая предпосылка прогресса в разрешении проблем глобальных...

Именно в таком широком контексте желательно рассматривать функции и перспективы гуманистически ориентированных направлений психологической науки и практики. Социокультурная значимость этих направлений реализуется и в профессиональной сфере (прежде всего, путем оказания конкретной помощи людям в решении их психологических проблем и в личностном росте), и вне этой сферы – благодаря возможности воспользоваться, в самых разных областях общественной жизни, более глубоким пониманием человеческой сущности, которого достигли указанные направления, а также обоснованными и реализованными в их рамках гуманистическими моделями поведения.

Именно в этом ключе, широко понимали свою миссию основатели Американской ассоциации за гуманистическую психологию. Джеймс Бюджентал, выступая 28 августа 1963 года на первом собрании этой ассоциации, истолковал оформление гуманистической психологии как составляющую «большого прорыва». «Я думаю, – говорил он, – что мы на пороге новой эры в заинтересованности человека человеком. И если этому процессу будет разрешено и дальше идти тем же путем, то нам предстоят такие же глубокие сдвиги в человеческой жизни, как те, что были обеспечены достижениями физических наук в минувшем (т.е. XIX – Г. Б.) веке» [11, с. 81].

Тем не менее, при несомненных достижениях гуманистической психологии в разных сферах жизни, ее путь оказался намного более трудным, чем представлялось энтузиастам в его начале. Что же обусловило эти трудности и меньшее, чем ожидалось, ее влияние, во-первых, на психологическую науку и практику и, во-вторых, на общество в целом? С одной стороны, отрицательную роль, безусловно, сыграла недостаточная готовность общества (включая профессиональное сообщество психологов) к принятию и реализации гуманистических принципов. Но своя часть вины лежит и на самой гуманистической психологии как составляющей указанного сообщества. Это признал один из ее видных представителей – Томас Грининг, оценив как досадную ошибку американской гуманистической психологии чересчур сильное «противопоставление себя другим течениям, а также антиинтеллектуалистическую установку» (цит. по [40, с. 6]).

Приходится констатировать, что полноценное и последовательное соблюдение гуманистических принципов (во взаимодействии не только с клиентами, а и с коллегами, придерживающимися других подходов) оказалось слишком трудным и для психологов-гуманистов. Здесь речь шла о психологах США. Что уж говорить о некоторых деятелях из постсоветского пространства, которыми, по свидетельству Е.Т. Соколовой, «идеи свободы,

² Попытка очертить гуманистический подход к *конфликтному* взаимодействию людей и их сообществ предпринята в [4, 5].

добра, любви... декларируются с тем же фанатизмом, который так памятен нам со времен господства коммунистической идеологии» [14, с. 164].

Итак, на взаимоотношения между научными направлениями и школами должны распространяться общие гуманистические принципы диалогического взаимодействия. Г.Д. Левин в качестве принципов диалога, заслуживающих распространения, указывает те, которые выработала католическая церковь применительно к общению с другими конфессиями: «удовлетворение тем, что нас объединяет, и уважение к тому, что нас разъединяет» [28, с. 147]. Эти принципы прекрасны, но, наверное, недостаточны, так как оставляют открытым вопрос: что дальше (кроме уважения) делать с тем, что нас разъединяет, – оставлять таким, как есть, или всё-таки стремиться к сближению? Этот вопрос наиболее естественен для внутринаучного диалога, учитывая близость ценностно-смысловых установок его участников.

Применительно к такому диалогу, следует, во-первых, уделять достаточное внимание осознанию и фиксации того общего, что есть в позициях сопоставляемых научных школ или подходов. Во-вторых, что касается расхождений, которые, безусловно, тоже должны фиксироваться, следует путем конкретного тщательного анализа определять, где само содержание исследуемых проблем (а не идеологические или социально-психологические наслоения) действительно требует четкого выбора между позициями сторон как взаимоисключающими альтернативами, а где существуют возможности взаимного обогащения этих позиций (и подъем, благодаря этому, диалога на более высокий уровень) или даже их синтеза (см. обобщенную модель научного диалога в [5]) В-третьих, критика (значение которой как составляющей научного дискурса не ставится под сомнение) должна направляться не только на позицию партнеров по диалогу, а и на собственную (или собственной научной школы) позицию.

§ 5. Продолжим анализ очерченных в §§ 3 и 4 проблем, связанных с абсолютизацией и догматизацией положений той или иной концепции, а также нетолерантным отношением ее приверженцев к другим взглядам.

Известно, что такие тенденции более характерны для последователей основателя концепции, чем для него самого. Да и вообще, как отмечает И.В. Равич-Щербо, «у основателей концепции всё намного разнообразнее и фундаментальнее, чем у их последователей» [23, с. 47].

Сравним хотя бы позицию А. Маслоу относительно бихевиористической психологии (вплоть до признания самого себя, в частности, и бихевиористом – см. приведенную в § 3 цитату; это, конечно, никак не исключало убеждения в *недостаточности* бихевиоризма) и саркастическую трактовку ее К. Аантусом [1] как «психологии крысы». Дж. Бюджентал в упомянутой выше речи 1963 года был предельно четок. Он подчеркнул, что гуманистическая психология не рассматривает себя как направление, конкурирующее с бихевиоризмом и психоанализом; «скорее, она старается дополнить осуществленные ими наблюдения, ввести новые установки и достичь новых проникновений» [11, с. 84]. К сожалению, американской гуманистической психологии не удалось удержаться на этой позиции, чем она нанесла ущерб прежде всего себе. Как мы видели, по этому поводу позднее сожалел Т. Грининг.

Позволю себе обратить внимание на некоторые факторы, способные объяснить отмеченные закономерности. К таким факторам, по-видимому, относятся:

- большая креативность и талантливость, более широкая эрудиция, более высокий уровень духовной культуры основателя школы по сравнению с его последователями;
- большая роль отстаиваемой концепции в самоидентификации последователей сравнительно с основателем школы; соответственно, как это ни удивительно, – ее большая субъективная ценность для них, чем для него. Издавна пользуется признанием мысль, что творец, тем паче гениальный, выше своих произведений, несмотря на все их достоинства. При другом стечении обстоятельств он мог бы создать другое произведение (в частности, другую научную концепцию), чем то, которое его прославило, – и он сознает это. Еще больше оснований есть у него для самокритики в отношении формы выдвинутых им положений (даже

если они вошли в учебники). Он может помнить, например, что какая-то формулировка не нравилось ему самому, но некогда было искать лучшей. Вообще, мотивов для абсолютизации и догматизации своих идей у него меньше, чем у его фанатичных адептов. Здесь можно вспомнить известное высказывание К. Маркса о том, что он «в любом случае не марксист»;

– более важная для круга последователей, чем для основателя концепции, роль последней как фактора групповой идентификации, объединения группы и успеха в соперничестве с другими школами; в результате – обретение концепцией черт своеобразной идеологии, с характерным для таких образований тяготением к упрощению высказываемых идей, подмене теоретически обоснованных утверждений лозунгами, резкому противопоставлению своей позиции другим подходам и т. п.;

– заинтересованность – при популяризации концепции, ее преподавании студентам, написании учебников и справочников и т. п. – в ее представлении, хотя бы ради лучшего запоминания, в упрощенной, максимально четкой, даже афористической форме. При этом обычно пренебрегают той опасностью, что такая трансформация обеднит (а то и существенным образом исказит) содержание концепции.

Яркий пример неправомерного упрощения идей основателя научной школы приведу из сопредельной с психологией области – лингвистики. Тщательные текстологические исследования показали, что знаменитое положение «единственным и настоящим объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и ради себя», которое на протяжении длительного времени приписывалось Фердинанду де Соссюру, на самом деле ему не принадлежит; это положение «произвольно – для придания остроты изложению – внесли издатели курса лекций своего учителя Л. Сеше и Ш. Балли...» (цитирую Н.В. Бардину [7, с. 16]). И дело не только в том, что Соссюр не писал той пресловутой фразы, – он думал иначе. Он, «как показывают его опубликованные позднее записи, вовсе не собирался ограничиться моделированием только того, что он назвал *языком (langue)*; им было задумано создание двух параллельных, дополняющих друг друга лингвистик – “лингвистики языка” и “лингвистики речи”» [7, с. 17].

Приведенный пример наглядно демонстрирует, насколько глубже и дальше от догматизма подлинная позиция выдающегося ученого по сравнению с той, которую принято ему приписывать.

Вместе с тем искажения (и вытекающая из них компрометация) идей основателя научной школы не обязательно связаны с насилием над его текстом; иногда, наоборот, они становятся следствием чересчур буквального восприятия последнего. По большей части не учитывают, что напряженная ситуация выдвижения новых идей (и сугубо когнитивная, и социально-психологическая, а иногда и собственно социальная), совершенно естественные в таких условиях эмоции побуждают к *провождению* этих идей в обостренной форме, с применением гипербол, метафор и т. п. – вообще, по законам скорее публицистического, чем научного дискурса. Со временем, так сказать, в спокойной обстановке или сам автор, или его последователи и комментаторы должны бы позаботиться о том, чтобы, не теряя смысла выдвинутых идей, *изложить* их в форме, максимально соответствующей принятым в науке логико-методологическим нормам (пусть в их характерном для гуманитарной сферы смягченном варианте). К сожалению, в психологии по большей части пренебрегают этим требованием и путают метафорические утверждения с собственно теоретическими.

В этом плане не посчастливилось научному наследию А.Н. Леонтьева. Я имею в виду прежде всего его известный тезис: «Предмет деятельности есть её действительный мотив» [30, с. 153]. Истолкованный буквально, при обычном понимании предмета деятельности как (чаще всего) внешнего относительно субъекта, он выглядит едва ли не абсурдным. В самом деле, при таком толковании он искусственно изымает мотив из системы связанных с ним компонентов психики (таких как потребность, цель, установка), пренебрегает случаями искаженного, ошибочного отображения психикой тех или иных объектов, игнорирует осуществленное Л.С. Выготским [16, с. 284 – 285] четкое различие стимула и мотива. Между тем, всё становится на свои места, если принять, что в обсуждаемом тезисе словосочетание

«предмет деятельности» употреблено метафорически. Тексты А.Н. Леонтьева дают для этого вполне достаточные основания. Не говоря уже о многих конкретных примерах, не оставляющих сомнения в понимании автором мотива как психического явления, А.Н. Леонтьев неоднократно высказывает в общей форме мысль о том, что для мотива существовать – «значит существовать для субъекта, ... быть отраженным, как-то представленным в голове субъекта» [29, с. 181], что именно отражаемый объект приобретает функции побуждения и направления деятельности, «то есть становится мотивом» [30, с. 205]. Так что вполне адекватной представляется интерпретация идей А.Н. Леонтьева в том смысле, что мотивом становится психический образ предмета деятельности. При такой интерпретации устраняются недоразумения, обусловленные буквалистским пониманием метафорического утверждения, – и вместе с тем полностью сохраняется главный смысл трактовки мотивов А.Н. Леонтьевым – акцентирование *предметной отнесенности мотива*. Ценность такого акцентирования состоит, прежде всего, в придании понятию «мотив» качественной определенности (в отличие от пространенного отождествления мотива с любым относительно устойчивым психическим звеном в детерминации поведения). По-моему, чересчур ревностные последователи А.Н. Леонтьева фактически отвлекали психологов от этого ценного вклада в теорию, стараясь непосредственно вписать метафорические формулировки в теоретическую систему.

Впрочем, при всех претензиях к пылким приверженцам той или иной научной школы, их роль надо оценивать справедливо: без их усилий, направленных на распространение, разъяснение, отстаивание, практическое внедрение идей основателя, его достижения нередко могли бы остаться «вещью в себе». К сожалению, платой за вхождение концепции в реальную жизнь является, как правило, ее меньшая или большая вульгаризация.

Так или иначе, в констатированных выше тенденциях находят воплощение не только психологические (главным образом, социально-психологические) закономерности, но и общие законы функционирования *культуры*; конкретнее говоря – существование и взаимодействие в ее составе двух необходимых сторон: *нормативно-репродуктивной* (часто обозначаемой как *цивилизационная*) и *диалогически-творческой* (культурной, в узком смысле) [4, 5, 9]. Ясно, что основатели концепций реализуют в основном диалогически-творческую сторону культуры, а их последователи и интерпретаторы – нормативно-репродуктивную.

Вместе с тем, и общая гуманистическая установка на максимальное развертывание и совершенствование конструктивного потенциала каждого человека, и необходимость сопротивления (на уровне социумов и человечества в целом) угрожающей экспансии дисгармоничных (с чрезмерным преобладанием цивилизационной составляющей) форм культуры – побуждают к осуществлению культурной и образовательной политики, нацеленной на окультуривание и одухотворение цивилизации, на обогащение деятельности возможно более широкого круга лиц диалогически-творческими компонентами. Одним из действенных путей реализации такой стратегии (и неотъемлемой составной частью диалогико-культурологического подхода в образовании – общем и профессиональном) является диалогически организованная работа с оригинальными произведениями классиков культуры (и, в частности, науки) [6]. Значимость такой работы для профессиональной подготовки психологов даже несколько неловко подчеркивать...

§ 6. В § 2 было обращено внимание на то, что научное познание сопряжено с неизбежным упрощением реальности. Это положение касается, конечно, всех наук, но приобретает тем больший вес, чем сложнее объект научного познания. Выводы отсюда относительно психологии (как и относительно человековедения и обществоведения в целом) состоят в том, чтобы, с одной стороны, четко сознавать ограниченность своего знания об очень сложных исследуемых объектах, но с другой – не впадать из-за этого в отчаяние. Носитель знания должен применять его – но осторожно, понимая и учитывая его неполноту: тогда он, говорил в своей нобелевской лекции Ф.А. фон Хайек, «не сделает больше зла, чем добра, в своих попытках улучшить социальный порядок» [44, с. 176]; вместе с тем он должен это знание совершенствовать – в частности, через взаимодействие с другими вариантами знания о том же

объекте. «...Я могу принять, – справедливо говорит А.М. Ерёмченко, – частичную и относительную истину, которой я обладаю, за полную и абсолютную. И как только я сделаю это – я перестану обладать истиной, истина превратится в заблуждение. Ибо всякая частичная истина есть частичное заблуждение, и она поворачивается стороной заблуждения к человеку, абсолютизирующему ее... Когда я ощущаю себя орудием осуществления истины, я должен понимать, во-первых, что не я один являюсь таким орудием (но и, прибавлю от себя, скажем, и представители других научных направлений и школ. – Г. Б.), и, во-вторых, что через меня входит в мир частичная и относительная истина, а не полная и абсолютная» [22, т. II, с. 311 – 312].

Приведенные положения, собственно, хорошо известны. Тем не менее их следует повторять, поскольку ориентируются на них не очень часто. И не только вследствие догматического образования и идеологического давления. В науке, как и в других сферах идейно нагруженной деятельности, мы сталкиваемся с непростой этико-психологической проблемой: надо ли, чтобы пропагандировать и внедрять в жизнь определенные идеи, прежде всего *верить* в их истинность? Оговорившись, что в каждой ситуации научной (и иной) деятельности эту проблему следует решать с учетом особенностей этой ситуации, я бы счел полезной следующую общую установку³: отстаивая определенные идеи (воплощенные, в частности, в соответствующие научные модели) ученый, конечно, должен верить, но желательно – не в их абсолютную истинность, а в две вещи:

во-первых, в то, что эти идеи, каковы бы ни были их недостатки и ограничения, необходимы для решения тех или иных задач – научно-познавательных или практических (социальных, производственных, педагогических и т. п.), что указанные идеи имеют, по крайней мере в определенных отношениях, преимущества перед другими идеями относительно тех же объектов, поэтому они обязательно должны звучать в диалоге (претендующем на плодотворность) с упомянутыми другими идеями;

во-вторых, в то, что именно данный субъект деятельности, поскольку определенные идеи близки ему, призван отстаивать, применять и развивать их, представлять их в упомянутом диалоге, во взаимодействии с другими идеями – и таким образом содействовать прогрессу науки и практики.

Самоидентификацию ученого с тем или иным научным направлением следует рассматривать как частный случай идентификации с социальной ролью. Для высокоразвитой личности такая идентификация (и в общем случае, и в том частном, который сейчас нас интересует) является глубоко мотивированным, весьма значимым и ответственным актом, но вместе с тем не является фанатически-безоговорочной. В проекции на процесс развития науки такой характер самоидентификации ученых способствует утверждению научного направления, с которым они идентифицируются, в его определенности и специфичности и вместе с тем предотвращает его абсолютизацию, поддерживая необходимую для творческого развития степень самокритичности.

Рассмотренная установка исключает – считая неуместными в науке – и фанатизм, и проникнутую равнодушием к содержанию идей, граничащую с цинизмом так называемую «праздную» толерантность [48]. Констатируя это, следует вместе с тем учитывать, что социокультурные традиции и ситуации оказывает на ученого (как и на любого находящегося под их влиянием деятеля) различное по степени, механизмам и формам, но в любом случае мощное давление, побуждая его к отклонению – в ту или иную сторону – от очерченной (будем считать, оптимальной) установки. Тем большего уважения заслуживают ученые, не подчиняющиеся такому давлению.

Одним из них – в широкой сфере гуманитарного знания – был Ю.М. Лотман (при этом он искусно использовал и потенциал естественнонаучной традиции). Как отметил, на основе анализа его работ, М.Л. Гаспаров, «в истории нашей культуры 1960 – 1990-х гг.

³ Она, в свою очередь, конкретизирует одну из еще более общих установок гуманистически ориентированного социального поведения в ситуациях, чреватых конфликтами, – принцип *неконфронтационной преданности* человека определенному сообществу [4].

структурализм Лотмана стоит между эпохой догматизма и эпохой антидогматизма, противопоставляясь им как научность двум антинаучностям» [17, с. 119].

§ 7. Широким признанием в современной философии и методологии науки пользуется тезис, который И.А. Мироненко удачно сформулировала следующим образом: «Объект науки – бытие; оно непрерывно и неисчерпаемо; предмет науки, как известно, создает она сама, выделяя и фиксируя в системе понятий отдельные аспекты, моменты, стороны бытия» [36, с. 153]. При этом, наверное, одним из общих методологических принципов науки следует считать положение, согласно которому вычленяемые исследователем предметы и осуществляемые с этими предметами действия должны *соответствовать специфике исследуемых объектов*. Кстати, этот принцип можно трактовать как обобщение на сферу взаимодействия исследователя с исследуемыми объектами определяющей установки гуманистического мировоззрения, требующей от каждого субъекта уважения к субъектам, с которыми он взаимодействует. Оказывается, что в некотором смысле *объекты тоже заслуживают уважения*.

В частности, когда речь идет об объектах, способных развиваться, – а такой способностью обладает подавляющее большинство объектов психологического познания, – то ее необходимо учитывать в процессе познания, что побуждает использовать не только статические, а и динамические модели таких объектов. В своей концепции генетической психологии С.Д. Максименко подчеркивает, что «действительное познание и понимание объекта исследования возможно лишь при условии прослеживания возникновения и становления данного объекта. Так что с генетической точки зрения, чтобы понять, что такое личность, следует объяснить и показать (*воссоздать в моделях*) процесс ее становления...» [33, с. 82] (выделено мной. – Г. Б.). К сказанному можно добавить, что часто от динамических моделей требуется не только отображение прошлого, а и прогнозирование будущего. Такое прогнозирование может осуществляться в форме фиксации вариантов будущего, прогнозируемых как вероятные при тех или иных условиях. Концепция «зоны ближайшего развития» по Л.С. Выготскому служит здесь прекрасным примером.

Впрочем, с развивающимися объектами имеют дело многие науки, в том числе естественные – такие как космология, геология, целый ряд биологических дисциплин. Наиболее выразительной особенностью основных объектов психологии человека (да и человековедения вообще) является наличие у них *субъектных* качеств, прежде всего – *сознания*. В необходимости учета этой особенности состоит, по всей видимости, главный вызов, стоящий перед науками о человеке. Отвечать на такой вызов деятелей этих наук должны побуждать и приверженность гуманистическим ценностям, и стремление к постижению истины о таком специфическом объекте как человек.

Обсуждая упомянутый вызов, часто приводят слова М.М. Бахтина: «Точные науки – это *монологическая* форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Но субъект, как таковой, не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, а значит, *познание его может быть только диалогическим*» [8, с. 364] (выделено мной – Г.Б.).

В [3] анализируются разные стратегии реагирования на требование, сформулированное Бахтиным. Здесь я ограничусь рассмотрением одного вопроса: не противоречит ли принципу учета субъектных качеств исследуемых лиц практика психологического экспериментирования, например, в сфере изучения познавательных процессов? На первый взгляд, противоречит существенно: исследуемый должен выполнять данное ему задание, каковы бы ни были его желания и взгляды (которые, при данной цели исследования, по большей части не интересуют экспериментатора). Однако реально, если только эксперимент хорошо организован, происходит нечто иное. Исследуемые (часто это студенты психологических факультетов), как правило, стараются, во-первых, сотрудничать с экспериментатором и, во-вторых, продемонстрировать наилучшие результаты, на какие способны. Именно потому, что они проявляют эти субъектные качества (и в той мере, в какой они их проявляют), эксперимента-

тор обретает право, изучая психические функции, как бы абстрагироваться от субъектности исследуемых. В лаборатории, отмечает Р. Мэй, «присущий человеку элемент решения и ответственности за собственную экзистенцию временно приостановлен ради цели эксперимента» [35, с. 134]. Но если исследуемый сознательно идет на такую приостановку, то тем самым реализует специфическим образом свою субъектность.

Исходя из сказанного, я решаюсь на такой комментарий к приведенной выше бахтинской максиме. Конечно, нет сомнения в том, что субъект «не может, оставаясь субъектом, *стать безгласным*» (выделено мной – Г.Б.). Но он – если примет такое решение – вполне может (в соответствии с только что процитированными словами Мэя) *временно замолчать* или, скажем, подстроить свой голос под чей-то. Более того, он тем лучше реализует такую установку, чем выше уровень его субъектности. (Моральная оценка поведения этого субъекта будет зависеть от характеристик ситуации. В описанной ситуации психологического эксперимента «приглушение» испытуемым своего «голоса», скорее всего, заслуживает одобрения как проявление сотрудничества с экспериментатором).

Экспериментатору же всегда следует помнить о субъектности (пусть «приглушаемой») испытуемого – и при организации эксперимента, и в процессе его осуществления, и при интерпретации его результатов. Учет субъектных качеств испытуемых получает всё большее признание даже в областях психологии, наиболее близких к естествознанию. Так, интересные результаты в психофизике, где ранее господствовала традиция «молчаливого испытуемого», были получены К.В. Бардиным благодаря тому, что он, как отмечает М.И. Воловикова, отнесся к исследуемому «как к субъекту, способному рассказать о том, каким образом он выполняет экспериментальное задание» [15, с. 137].

§ 8. Не следует забывать и о том, что принципы гуманистически ориентированного социального поведения (так называемые «диалогические универсалии современного гуманизма» [2, 5]) включают, наряду с уважением к партнеру, и *уважение к себе* – а также, конечно, к сообществам, с которыми идентифицирует себя человек. Для ученого такие сообщества могут быть выделены на разных уровнях – начиная, скажем, со своей научной школы и завершая мировым научным сообществом. Весьма важен промежуточный уровень – сообщество научных работников своей специальности; таким, в частности, является (или должно быть?) мировое научно-психологическое сообщество.

Как известно, в современном массовом сознании авторитет этого сообщества и степень знания и принятия его принципов и достижений, мягко говоря, невысоки – разве что речь идет о констатации генетически обусловленных психологических качеств (к осознанию, временами преувеличенному, значимости генов общество привыкло). Не буду анализировать здесь причины этого состояния дел, но отмечу досадное обстоятельство: недостаток уважения к указанным принципам и достижениям сплошь и рядом проявляют (скорее всего, невольно) сами психологи. Такую тенденцию можно усмотреть, например, в следующей характеристике гуманитарной методологии в интересной работе С.Л. Братченко: «Самым важным становится не столько понимание неких фактов и влияния на них тех или иных факторов, условий, механизмов и т. п., сколько *отношение* человека к этим фактам и воздействиям, *смысл*, который они для него приобретают» [10, с. 16]. Но именно отношения и смыслы являются важнейшими *психологическими фактами*, и кому как не психологам на этом настаивать! Кому как не психологам выяснять факторы, условия, механизмы появления и изменения упомянутых отношений и смыслов – в максимальной мере принимая во внимание индивидуальные особенности людей, с которыми работает психолог (о чем справедливо пишет Братченко), но учитывая и более общие *психологические закономерности* и опираясь при этом на достижения ученых-предшественников в их выявлении... Закономерностям, касающимся смыслов, современная психология уделяет, как известно, немало внимания – см. хотя бы [31, 45, 46].

В более широком плане следует подчеркнуть обоснованность противопоставления наличия у человека субъектных качеств, с одной стороны, и подчинения его поведения опре-

деленным закономерностям, с другой. Сводить эти закономерности к тем, которые имеют «безгласные вещи», в терминологии М.М. Бахтина (см. выше, § 7), так же неправильно, как вообще игнорировать наличие или значимость таких закономерностей. Остроумно комментируя тезис Ж.-П. Сартра «экзистенция предшествует эссенции» («существование предшествует сущности»), Пауль Тиллих писал: «...Если спросить: не содержит ли это предложение, вопреки его интенции, какого-либо утверждения относительно сущностной природы человека, – мы должны ответить: да, содержит! Особая природа человека состоит в его способности творить себя» (цит. по [35, с. 133]).

§ 9. Уважение к себе, о котором идет речь в § 8, является сущностным свойством самоактуализирующихся людей. Перечень их характерных качеств, базирующийся на работах Абрахама Маслоу и его последователей, приведен в [2, с. 327 – 328]. Среди указанных в этом перечне качеств, непосредственно связанных с уважением к себе и весьма важных для продуктивной научной деятельности, напомним такие:

– открытое, спокойное, максимально непредубежденное отношение к миру, в частности к новым ситуациям, существенно отличающимся от тех, которые присутствовали в опыте данного человека. Для ученого это прежде всего принципиально новые познавательные ситуации, с которыми сталкивается, например, воспитанный в духе классической методологии исследователь при невозможности абстрагироваться от влияния, которое он оказывает на исследуемый объект;

– верность избранному делу (в частности, науке, а значит и основополагающим методологическим и этическим принципам научной деятельности) и вместе с тем готовность при изменении условий вносить необходимые изменения в свои взгляды и поведение. Ученый в непривычной познавательной ситуации конкретизирует способ применения упомянутых принципов сообразно новым условиям. Так, принципиальную установку на постижение истины рациональным способом физик сохраняет и в отношении микрообъектов, но с тем важным уточнением, что истина выясняется относительно системы «микрообъект + прибор, управляемый исследователем» (подробнее см. [3]). Здесь следует напомнить тезис В.С. Швырёва [47], согласно которому, при всех изменениях форм рациональности с прогрессом науки, остается актуальным ценностный аспект рационалистической традиции;

– высокая степень самопринятия, положительный образ «Я», соответственно – уверенность человека в своих силах, его готовность преодолевать трудности, прибегая ради этого к нестандартным, творческим способам действий. В частности, типичные для психологического познания трудности, обусловленные высокой сложностью и субъектными свойствами исследуемых объектов, удается в значительной мере преодолеть, изобретая простые модели, которые тем не менее улавливают важные качества этих объектов (см. выше, § 2).

В перечне качеств самоактуализирующихся лиц упоминается также о том, что они отдают предпочтение объективным, а не эмоциональным оценкам событий и людей, об их склонности не учитывать в общении поверхностных характеристик партнеров – таких как социальное или национальное происхождение, уровень образования, вероисповедание, внешность. В научно-познавательной деятельности эти качества (а также отмеченное выше открытое, непредубежденное отношение к миру) находят проявление, среди прочего, в готовности привлекать для использования в ней (в том числе и в методологических целях) разнообразнейшие источники (литературные, медийные, присутствующие в личном опыте и пр.), даже при их сомнительной в том или ином плане репутации либо непричастности, как кажется поначалу, к исследуемому предмету. Необходимо лишь, чтобы использование, о котором идет речь, во-первых, действительно было необходимо, то есть не могло быть безболезненно заменено обращением к более авторитетному, более информативному, более надежному источнику; во-вторых, содействовало решению задачи, которую поставил перед собой ученый, и, в-третьих, отвечало принципиальной нацеленности на достижение истины. Здесь прослеживается прямая аналогия с хрестоматийными строками Ахматовой о том, «из

какого сора растут стихи, не ведая стыда». Главным в обоих случаях – и в поэзии, и в науке – является не то, *что* используется, а то, *как* используется.

Некоторые применения очерченной установки можно считать общепринятыми, а их отстаивание – банальностью. Например, отдельная история из человеческой жизни или эксперимент, проведенный на слишком малой выборке, не могут служить основанием для констатации психологических закономерностей, но основаниями для формулирования исследовательской задачи или даже для выдвижения гипотезы они вполне могут быть. Тем не менее включать такого типа материалы, скажем, в диссертации, к сожалению, нередко опасаются. Поэтому, думаю, и этот маленький абзац не будет лишним. Но основное внимание я уделю, конечно, менее банальным применениям обсуждаемого принципа.

Отмеченный в § 8 недостаток уважения психологов-исследователей к своей науке, уверенности в себе как в полноценных ученых, одним словом – элементы комплекса неполноценности, – предопределяют настороженное отношение многих из них ко взаимодействию с другими науками, в особенности с формализованными дисциплинами. К тому же, и вправду мощные редукционистские тенденции в таком взаимодействии дают основания опасаться, не приведет ли оно к вытеснению из научных построений психологического содержания. Тем не менее, признавая здесь наличие проблемы, следует соблюдать методологическую корректность в ее решении. Ценностной основой такой корректности мне видится соблюдение очерченных выше установок.

В моей статье 1989 года, посвященной взаимодействию психологии с формализованными научными дисциплинами (эта статья воспроизведена в [2]), был поставлен под сомнение тезис М.Г. Ярошевского, согласно которому реальность, обозначаемая психологическими понятиями, «не высвечивается, а затемняется, когда на нее проецируются схемы, сложившиеся при исследовании явлений других порядков» [51, с. 443]. Предпочтение было отдано другой формулировке этого выдающегося психолога (а именно: «И в дальнейшем успех следует ожидать там, где психологическая мысль будет взаимодействовать “на равных” с другими направлениями, а не растворяться в них» [51, с. 443 – 444]), а также тезису Л.М. Веккера: «... единый научный аппарат современной психологии складывается в результате взаимодействия пограничного, *внепсихологического* и собственно *внутрипсихологического* научного развития» [13, с. 6]. Обе последние формулировки, хотя и не содержат термина «диалог», но фактически (и справедливо) делают акцент на диалогических механизмах развития науки.

Что же касается первого процитированного тезиса М.Г. Ярошевского, то я теперь уточнил бы свою позицию, признав правильность этого тезиса как *эмпирического обобщения* проанализированной Ярошевским научной практики. Но данный тезис не имеет теоретического обоснования и противоречит более широкому опыту взаимодействия наук. Как отмечалось в моей статье [2, с. 23], упомянутая Ярошевским «проекция схем», или, иными словами, использование аналогий между разнородными явлениями, – это один из приемов, полезность которых подтверждена историей науки.

Подобную же мысль высказал недавно акад. В.С. Стёпин на «круглом столе» российских философов [20], где речь шла о взаимодействии естественных и гуманитарных наук: «Позиция, согласно которой в гуманитарных науках всё не так, как в естественных, скрыто означает, что в этой области (то есть в гуманитарных науках. – Г. Б.) нельзя ничего привлекать из методологии, развитой на материале естествознания. Но тогда мы закрываем путь, которым чаще всего шло человеческое познание» [20, с. 60].

Конечно, надо находить адекватные *способы* обсуждаемого привлечения. В моей вышеупомянутой статье рассматривается вопрос о том, как достичь эффективного взаимодействия психологии с формализованными дисциплинами, избегая опасных соблазнов упрощенчества. Не воссоздавая здесь содержания статьи, остановлюсь лишь на одном из рассмотренных в ней вопросов. Как согласовать *недизъюнктивность* (континуальность) основных *процессов*, изучаемых психологической наукой (это их свойство, глубоко проанализированное А.В. Брушлинским, находит проявление, в частности, во взаимопроникновении ста-

дий этих процессов, отсутствии между такими стадиями четких границ), с *дизъюнктивностью понятийных моделей*, создаваемых в сотрудничестве с формализованными дисциплинами? Оказывается (и подтверждено опытом разработки, на стыке психологии и системологии, и применения общей теории задач), что такое согласование вполне возможно. Но оно требует: во-первых, построения достаточно густой сети дизъюнктивных понятий; во-вторых, сочетания разных вариантов соотнесения реальных (изменчивых и противоречивых) объектов с элементами указанной сети. Итак, снова находит подтверждение сформулированный выше принцип, предусматривающий внимание не только к тому, *что* используется, но, главное, к тому, *как* используется. Неприемлемы односторонние взгляды, которые безоговорочно то ли приветствуют, то ли отвергают применение в психологии формализованных моделей. Такое применение возможно и полезно – но при условии, что его технология отвечает требованиям, которые раскрывает методологический анализ.

§ 10. Препятствиями на пути использования каких-либо источников и средств в психологических исследованиях оказываются не только сомнения то ли в их надежности и информативности, то ли в причастности к сфере психологии или сущностной связи с ней. Помимо этого, потенциальные источники могут быть *ценностно неприемлемыми* или для самого научного работника, или для лиц, групп, организаций, от которых он находится в зависимости того или иного типа.

В Советском Союзе, как известно, принудительное табу на упоминание в публикациях широкого круга персоналий и тем было очень жесткое. Это табу часто определяют как идеологическое, но в значительной мере оно было скорее полицейским. В самом деле, для попадания в «черные списки» автору совсем не обязательно было высказать какие-то нежелательные для власти мысли; вполне достаточным было, например, просто эмигрировать из СССР (или хотя бы выразить такое желание).

Хорошо, что грубый идеологический и административный диктат в сфере научной деятельности ныне невозможен. Но никуда не делись (и не денутся) социально-психологические влияния на ученого. И если в советские времена в публикациях по общественной проблематике редакторы всячески поощряли (а нередко настоятельно требовали) ссылки на классиков марксизма-ленинизма (а также на последние решения КПСС), то сейчас автор публикации трижды подумает, прежде чем отважиться на такую ссылку, даже если она уместна с точки зрения излагаемого содержания. Ведь никому не хочется иметь имидж ретрограда или приверженца тоталитаризма...

Тем не менее ученый, по-настоящему уважающий себя и свою профессию, должен освобождаться от такого рода опасений. Здесь уместно снова обратиться к уже не раз упоминавшемуся выше перечню качеств самоактуализирующихся лиц. Среди этих качеств присутствует, в частности, несущественность для такого лица принятых внешних форм поведения. Последние, однако, не отбрасываются нарочито; неконвенциональность самоактуализирующегося лица «имеет внутренний, *относящийся к существу дела* характер» (цит. по [2, с. 327]). В приведенной цитате я выделил слова, которым придаю особый вес.

Реальное освобождение научных работников от остатков тоталитарной ментальности предполагает не примитивные инверсии (когда сжигают то, чему поклонялись), а последовательный отказ от моделей коммуникативного поведения в науке, которые, подчиняя это поведение вненаучным факторам, наносят ущерб и науке, и общественной морали. Вместо этого ученый должен сосредоточиваться на *сути дела*.

Мы справедливо осуждаем присущую тоталитарному режиму политизацию общественных (в значительной мере, и других) наук и философии. Однако, не проявилась ли такая политизация и в постсоветский период, например в той инверсии, которую испытало доминирующее отношение к диалектическому материализму? Из того непреложного факта, что коммунистический тоталитаризм предоставлял монопольный статус этому философскому направлению (и этим в большой мере содействовал его вульгаризации), отнюдь не вытекает сущностной связи между ними. На такой связи (не употребляя, конечно, термина «тоталита-

ризм») настаивали как раз коммунистические идеологи, равно как и на том, что «буржуазная философия» является служанкой капиталистов. Ирония состоит в том, что обличители тоталитарного прошлого воссоздают характерные для тоталитаризма ментальные модели.

Что же касается *сути дела*, то я бы прислушался, например, к В.М. Князеву, который, рассматривая соотношение между объективной и субъективной реальностью, подчеркивает, что «диалектико-материалистическое решение этого вопроса является вполне правомерным» [25, с. 74] (предостерегая вместе с тем против признания этого решения «единственно истинным» [там же]).

В нынешней философской литературе мы встречаем очень разные оценки диалектического материализма – от его характеристики как «тщательно разработанной, стройной и последовательной философской системы, не уступающей по своей глубине и смелости философским системам Канта, Гегеля, позитивизма и т. п.» [38, с. 20], до утверждения, согласно которому дискуссии, продолжающиеся в его рамках, осуществляются «на предельном удалении от стержневых вопросов современного философствования» [19, с. 308].

Правда, приведенные суждения не так сильно противоречат друг другу, как кажется. В самом деле, они резко различаются *смыслами*, которые имеет для их авторов предмет «диалектический материализм», в них легко усмотреть противоположные *отношения* к этому предмету, но высказанные в них историко-философские *значения*⁴ (не будем выяснять, насколько истинные) не являются несовместимыми: ведь эти суждения очерчивают место диалектического материализма в мировой философии, прибегая к разным временным масштабам – масштабу столетий в первом случае и масштабу десятилетий во втором. Это обстоятельство является благоприятной предпосылкой для возможного (и желательного) диалога между приверженцами представленных позиций.

Однако независимо от перспектив такого диалога, существуют, на мой взгляд, достаточные основания считать, что по крайней мере в психологической сфере эвристический потенциал диалектического материализма не исчерпан.

В частности, в психологии мы сплошь и рядом сталкиваемся с действием закона отрицания отрицания и, соответственно, со спиральным характером процесса развития, когда при сопоставлении трех последовательных (реальных или возможных, виртуальных) стадий развития органической системы оказывается, что третья стадия в чем-то повторяет первую, но на новом уровне.

В подтверждение сказанного обратимся хотя бы к выдвинутой в начале XX ст. А.Ф. Лазурским (и упомянутой выше в § 2) концепции трех уровней развития личности (в терминологии автора – «психических уровней»), а именно: низшего, среднего и высшего. Лазурский обращает внимание, в частности, на то, что людям высшего уровня преобразование действительности сообразно их идеалам и стремлениям никогда не дается даром, а «почти всегда сопровождается упорной борьбой и различными лишениями, духовными или материальными... Благодаря этому представители высшего уровня, даже в случае успеха своих планов и стремлений, нередко оказываются в социальном плане устроившимися гораздо хуже, нежели обыкновенные, средние люди» [27, с. 63]. Иными словами, люди высшего уровня, подобно представителям низшего уровня (и в отличие от принадлежащих к среднему уровню) испытывают трудности в социальной адаптации – хотя и по противоположным основаниям.

Созвучны с идеями Лазурского (и соответствуют общим диалектическим закономерностям) результаты новейших исследований зависимости социальной адаптации от уровня одаренности. Оказалось, что в то время как дети с так называемой нормальной одаренностью «принципиально лучше приспособляются к окружению, чем обычные дети, ... особо одаренные дети и взрослые характеризуются резким снижением адаптационных характеристик» [32, с. 25].

⁴ Понятия значения и смысла трактуются здесь по А.Н. Леонтьеву; см. также попытку развития этой трактовки в [2, 5].

Как мне кажется, приведенный материал свидетельствует в пользу того, что ориентация на общие диалектические закономерности бытия способна помочь психологам в осмыслении получаемых ими результатов и выдвижении гипотез, подлежащих проверке в ходе дальнейших исследований. Зачем отказываться от таких возможностей? Неужели из-за того, что тоталитарные режимы старались использовать диалектический материализм в своих целях?

Обобщая сказанное в §§ 9 и 10, можно обратиться к психологам с призывом: в соответствии с присущей гуманистическому мировоззрению (и гуманистической ментальности) установкой на открытое и непредубежденное отношение к миру (в том числе к людям, к человеческим сообществам, к феноменам культуры) не отвергайте в своей работе никаких источников и методологических средств, какими бы несолидными, экзотическими или якобы скомпрометированными они ни были. Но пользуйтесь ими *разумно*, сосредоточивая внимание на *суть дела* (это позволяет говорить о соблюдении принципа *рациогуанизма*).

§ 11. Отступая от сложившейся (вообще говоря, полезной) практики и от рекомендаций ВАК Украины, я не завершаю статью выводами, поскольку построил ее по иной схеме: сначала (в § 1) сформулировал главное содержание рассматриваемого принципа, как я его понимаю, а в последующих параграфах попытался конкретизировать это содержание на материале актуальных для современной психологии проблем, что, по идее, должно было продемонстрировать эвристичность положений, сформулированных в § 1. Насколько это удалось, судить читателю.

В заключение статьи выскажу лишь два замечания.

Первое. Я не претендую на особую новизну принципа, которому посвящена статья. Скорее я, ориентируясь в этом отношении на указанные в § 2 классические образцы, пытаюсь эксплицировать, т. е. вывести на уровень четкого осознания, положения, вообще говоря, известные. Очевидна, в частности, сущностная связь принципа самоприменимости гуманистически ориентированной психологии с обоснованием повышенных требований к психологической культуре личности, когда речь идет о культуре профессионала, работающего с людьми (в особенности, психолога или педагога). Последний вопрос рассмотрен в [5] с опорой на его анализ Я.Л. Коломинским, В.В. Рыбалкой, В.А. Семиченко.

Второе. Характеристика в статье принципа, которому она посвящена, не претендует на системность, на охват хотя бы наиболее важных аспектов темы. Конкретизируя указанный принцип, я ограничился содержательными моментами, уже рассмотренными ранее (причем подробнее) в [3], но попытался осветить их под единым углом зрения, задаваемым этим принципом.

При всем том хотелось бы надеяться, что данная статья, как элемент рефлексии гуманистически (точнее, рациогуанистически) ориентированной психологии, поможет ее развитию и повышению ее социокультурной значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аанстус К.* Головна течія у психології та гуманістична альтернатива // Гуманістична психологія: Антологія в 3 т. / За ред. Р. Трача, Г. Балла. – Т. 1. Гуманістичні підходи в західній психології ХХ ст. – К.: Пульсари, 2001. – С. 23 – 36.
2. *Балл Г.А.* Психология в рациогуанистической перспективе: Избр. работы. – К.: Основа, 2006. – 408 с.
3. *Балл Г.* Методолого-психологічні роздуми в гуманістичному контексті // Соціальна психологія. – 2006. – № 4. – С. 3 – 14; 2007. – № 2. – С. 14 – 26; 2007. – № 6. – С. 3 – 16.
4. *Балл Г.О.* Принципи сучасного гуманізму і психологія // Горизонти образования – 2007. – № 3. – С. 7 – 18.

5. *Балл Г.О.* Орієнтири сучасного гуманізму (в суспільній, освітній, психологічній сферах): Вид. 2-е, доповнене. – Житомир: Вид-во «Волинь», 2008. – 232 с.
6. *Балл Г.А., Волинець А.Г.* К анализу идейных основ гуманистически ориентированного образования // Гуманизация образования. – 2000. – № 1. – С. 22 – 51. (Статья воспроизведена в [2]).
7. *Бардина Н.В.* Языковая гармонизация сознания. – Одесса: Астропринт, 1997. – 271 с.
8. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
9. *Библер В.С.* На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. – М.: Русск. феноменологич. общ-во, 1997. – 440 с.
10. *Братченко С.Л.* Введение в гуманитарную экспертизу образования. – М.: Смысл, 1999. – 137 с.
11. *Б'юджентал Дж.* Третя сила у психології // Гуманістична психологія: Антологія в 3 т. / За ред. Р. Трача, Г. Балла. – Т. 1. Гуманістичні підходи в західній психології ХХ ст. – К.: Пульсари, 2001. – С. 80 – 90.
12. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
13. *Веккер Л.М.* Психические процессы. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – Т. 1. – 334 с.
14. Влияние современной американской психологии на практическую психологию в России / Под ред. М. Котэ и А.Г. Лидерса: Спец. приложение к «Журналу практического психолога». – М., 1998. – 220 с.
15. *Воловикова М.И.* Мастер психологии (штрихи к портрету К.В. Бардина) // Психол. журн. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 136 – 137.
16. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
17. *Гаспаров М.Л.* Ю.М. Лотман: наука и идеология // Обществ. науки и современность. – 2006. – № 5. – С. 114 – 119.
18. *Гильбух Ю.З.* Из досвіду реалізації гуманістичної парадигми у психотерапії // Міжнародний семінар з гуманістичної психології та педагогіки (Рівне, 15 – 17 червня 1998 р.): Тези доповідей і повідомлень. – Рівне: Ліста, 1998. – С. 32 – 33.
19. *Грицанов А.А.* Диалектический материализм // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 307 – 308.
20. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 2007. – № 6. – С. 57 – 82.
21. Гуманістичні орієнтири в методології психологічної науки / За ред. Г.О. Балла. – К.: Педагогічна думка, 2007. – 98 с.
22. *Ерёменко А.* История как событийность: В 2 т. – Луганск: РИО ЛАВД, 2005. – Т. I. – 544 с.; Т. II. – 496 с.
23. Интервью с И.В. Равич-Щербо // Психология в вузе. – 2003. – № 1 – 2. – С. 40 – 59.
24. *Климов Е.А.* А.Н. Леонтьев – человек могучего действия // Психология в вузе. – 2003. – № 1 – 2. – С. 112 – 115.
25. *Князев В.Н.* Философия физики // Философия науки. Методология и история конкретных наук: Учебное пособие. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 68 – 112.
26. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
27. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей: Изд. 3-е, перераб. – Л.: Госиздат, 1924. – 290 с.
28. *Левин Г.Д.* О принципах диалога материалистов с верующими // Вопр. философии. – 2007. – № 6. – С. 146 – 150.
29. *Леонтьев А.Н.* Психология искусства и художественная литература // Литературная учеба. – 1981. – № 2. – С. 177 – 185.
30. *Леонтьев А.Н.* Избр. психол. произв.: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – 320 с.

31. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: Природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
32. *Лукаш Е.Ю.* Отношение к социальной адаптации у творчески одаренных детей в России и США // *Вопр. психологии.* – 2004. – № 4. – С. 22 – 30.
33. *Максименко С.Д.* Методологічний статус категорії „ нужда” в психології особистості // *Актуальні проблеми соціології, психології та педагогіки: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції „ Тенденції розвитку психології в Україні: історія та сучасність”.* – К.: Либідь, 2006. – С. 80 – 89.
34. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
35. *Мей Р.* Становлення екзистенційної психології // *Гуманістична психологія: Антологія в 3-х т. / За ред. Р. Трача і Г. Балла.* – Т. 1. Гуманістичні підходи в західній психології ХХ ст. – К.: Пульсари, 2001. – С. 124 – 162.
36. *Мироненко И.А.* Об интеграции психологического знания // *Вопр. психологии.* – 2004. – № 3. – С. 153 – 155.
37. *Моляко В.А.* Психология решения школьниками творческих задач. – К.: Радянська школа, 1983. – 96 с.
38. *Никифоров А.Л.* Философия в системе высшего образования // *Вопр. философии.* – 2007. – № 6. – С. 17 – 23.
39. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре: Материалы «круглого стола» // *Вопр. философии* – 2003. – № 12. – С. 3 – 52.
40. Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – 336 с.
41. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 1998. – 752 с.
42. *Рекало В.І.* Принцип багатовимірності знання про особистість в світлі психотерапевтичних завдань // *Практична психологія та соціальна робота.* – 2004. – № 7. – С. 77 – 80.
43. *Філософський словник / За ред. В.І. Шинкарука.* – К.: Головна редакція УРЕ, 1973. – 600 с.
44. *фон Хайек Ф.А.* Претензии знания // *Вопр. философии.* – 2003. – № 1. – С. 168 – 176.
45. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
46. *Шакуров Р.Х.* Психология смыслов: теория преодоления // *Вопр. психологии.* – 2003. – № 5. – С. 18 – 33.
47. *Швырёв В.С.* Рациональность в современной культуре // *Обществ. науки и современность.* – 1997. – № 1. – С. 105 – 116.
48. *Шугуров М.В.* “Праздная” толерантность: постмодернистский сценарий // *Обществ. науки и современность.* – 2003. – № 5. – С. 140 – 149.
49. *Юревич А.В.* Психология и методология // *Психол. журнал.* – 2000. – Т. 21. – № 5. – С. 35 – 47.
50. *Юревич А.В.* Социальная релевантность и социальная ниша психологии // *Психол. журн.* – 2006. – Т. 27. – № 4. – С. 5 – 14.
51. *Ярошевский М.Г.* Психология в ХХ столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки: Изд. 2-е, доп. – М.: Политиздат, 1974. – 447 с.